

интерпретировать в прямом смысле сообщения о тех или иных операциях, осуществлявшихся во время делания! Или же речь шла о символической игре, которая, будучи более сложной, относилась к иного рода реальности? Не было ли так, что алхимик самым фактом манипулирования с исходным материалом Великого делания пытался воздействовать и на самого себя? Но как? Он пытался проецировать в атанор или тигель свой собственный живой дух. Таков был по крайней мере один из тайных ключей Великого Делания. Погружаясь в глубь самого себя, алхимик получал в качестве предмета исследования интроспективное открытие: внутреннее божественное ядро. Именно столкнувшись с этим обстоятельством, историк должен отдавать себе отчет в следующем важнейшем факте: тексты, документы отражают не только работу, действительно совершавшуюся в лаборатории, но также и соответствующие этой работе духовные упражнения в молельне.

Согласно адепту Исааку Голланду, работа алхимия была делом женщины и игрой ребенка. Как подступиться нам к интерпретации этой формулы или других, представляющих собой ее вариации (например, работа женщины и ребенка)? Это могло означать, что речь шла о манипуляциях, действиях, операциях, не требовавших приложения больших физических усилий. Правда, есть и другое объяснение, сводящееся к игре слов: в Средние века окраской тканей занимались почти исключительно женщины и дети, алхимиков же иногда называли красильщиками Луны, а операции по трансмутации - «окрашиванием» металлов.

Третьей и наиболее важной интерпретацией была бы следующая: умственной способностью, наиболее развитой у женщин и детей, является воображение. Именно в этом следовало бы искать главный принцип, необходимый для понимания одного из двух фундаментальных аспектов работы, выполнявшейся алхимиками в Средние века.

Действия в молельне

Этот принцип очень хорошо понимал Карл Густав Юнг, крупнейший специалист в области глубинной психологии, когда он констатировал: «Густой мрак, покрывающий алхимические приемы и методы, объясняется тем, что алхимик, с одной стороны, интересуется собственно химическим аспектом своей работы, однако он использует его, с другой стороны, чтобы измыслить номенклатуру для психических трансформаций, которые главным образом и привлекают его»[15].

Трудности, с которыми сталкивается современный историк при интерпретации дошедших до нас текстов средневековых алхимиков, проистекают из того, что в большинстве случаев одни тексты описывают одновременно материальные феномены, наблюдаемые в лаборатории, в реторте или в тигле, и едва уловимые метаморфозы, происходящие в глубине души алхимика по мере успешного продвижения в его делании в молельне. Традиционная поговорка предписывала всякому желавшему стать на путь алхимии: «*Lege, lege, relege, ora, labora et ivenies**» - «Читай, читай, перечитайвай, молись (в своей молельне), работай (в лаборатории) и найдешь философский камень».

Небесный огонь, этот истинный Божий дар, внезапное снисхождение которого воспевал адепт (алхимик назывался философам через огонь или философом огня), одновременно являлся и зримым, и материальным огнем, знаменовавшим собой славное, триумфальное завершение операций Великого минерального Делания, и внутренним пламенем, Божественным озарением, по милости Божией снисходившим на делателя.

Голова ворона и человеческий череп являлись, как известно, символами, характеризовавшими черную оперативную фазу Великого Делания, процесс гниения, тогда лебедь представлял собой один из символов для обозначения его белой фазы, когда происходило растворение. Однако эти символы вполне могли прилагаться, в качестве